

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИРОНИИ СОТИМОМ УЛУГЗОДА В «ДОН КИХОТ» - Е. М. СЕРВАНТЕСА

К.ф.н. Мурувватиён Дж.Дж.

В современном мире понятие «донкихотство» уже давно стало термином, выражающим, с одной стороны - способ мышления и действие благородных людей, с другой - символ благородства, рост души. Но каждая эпоха вкладывает в это понятие свой смысл: от комического значения до серьезного. Несмотря на такие меняющиеся умонастроения, главная задача этой интеллектуальной притчи о гуманизме и человеколюбии, остается неизменной, и любая ее интерпретация преследует, прежде всего, нравственные задачи, некоторым граням которой посвящена данная статья.

Мы четко поставили перед собой цель рассмотреть эту грань в одной из стилистических особенностей романа «Дон Кихот» - замаскированной форме - иронии, вошедшей в научный оборот ещё со времен классической литературы.

Этот яркий и утонченный прием является главной отличительной чертой романа «Дон Кихот», о чём мы и хотим рассуждать в данной статье.

Важным для исследования является положение о том, что «все варианты прочтения «Дон Кихота», возникавшие на протяжении его уже почти четырехвековой жизни в истории культуры, так или иначе тяготеют к двум противоположным подходам: один акцентирует сугубо комическую сторону походов и бесед Дон Кихота и Санчо Пансы, другой основан на представлении о том, что за внешним комизмом разнообразных ситуаций, в которых оказывается знаменитая пара сервантесовских героев, за авторской иронией и пародией на рыцарские романы скрывается серьезное, если не трагическое содержание, побуждающее читателя не столько смеяться над Рыцарем Печального Образа, сколько сострадать ему». [21, 158]

Ни один из прошлых и нынешних переводчиков не может не согласиться с тем, что ирония составляет одну из трудностей перевода. При этом, важно отличать настроение, цель, направленность иронии: положительная она или отрицательная.

Главная трудность при переводе иронии заключается в том, что важно не упустить ту тонкую грань, где она уже начинает формировать отношение. Благодаря своей феноменальности, она, как считают теоретики перевода, все еще остаётся недостаточно изученной, и менее всего исследована в художественных текстах, что значительно и усложняет работу переводчика. Передать иронию Сервантеса не легко хотя бы потому что

писатель часто преступает границы внешнего и внутреннего, постоянно попадает в плен творимого им текста, часто проникает вглубь сознания своих же героев, тесно вступает в прямой личный контакт с читателем. Текст романа является благоприятным материалом для изучения тенденций развития иронического дискурса и способов ее передачи в переводе.

Основная цель иронии направлена на иносказание, умение спрятать критику, воздействие, порицание. Этот грациозный стилистический прием имеет свойство сколькое, неуловимое и не всегда может проявляться эстетично. Как эстет она может украшать текст, усиливая речь, словно кокетливая дама, быть сложной, недоступной, а порой, язвительной и невидимой.

В современной литературе различают несколько видов иронии: прямая, антиирония, самоирония, но в любом случае – это самый хитрый стилистический прием, механизм абсурда. Цель ее состоит не в том, чтобы смешить или развлекать, а напротив, подчеркнуть всю серьезность, порой даже трагичность положения. Насмешка создается «обнажением нелепости происходящего». [25, 56]

Различны также и точки зрения ученых об этом художественном приеме. Краткое введение в историю проблемы поможет перейти к современному пониманию ее сути:

Г.Н. Пospelов подчеркивает интеллектуальную силу иронии, ее объективность. В основе иронии, по его мнению, лежит противоречие самой действительности. [19, 119]

Т. Манн считает: «объективность - это ирония <...> это <...> иначе говоря, взгляд с высоты свободы, покоя <...>, не омраченный никаким морализаторством». [13, 277.]

Э.С. Афанасьев рассматривает иронию, как категорию, которая наиболее точно отражает творческое сознание писателя и характеризует состояние мира: «Художественный эффект иронии основывается прежде всего на глубинной коллизии сознания человека и порядка вещей, коллизии, служащей предпосылкой литературной игры автора с читателем». [2, 205] По мнению В.Я. Пропп ирония появляется при несоответствии между неким абстрактным, мыслимым идеалом и зрительным, реальным воплощением этого идеала. [20, 28] Г.В. Орлова рассматривает иронию как элемент авторского мировоззрения для раскрытия ценностного смысла предметов и явлений окружающего мира.[15]

О. Г. Петрова считает, что ирония связана с господствующими в определенную эпоху политическими, этическими и философскими взглядами и отражает стиль жизни страны и людей, которые воздействуют на мировоззрение авторов и определяют тип ирониста и способы иронизирования.[16, 73]

По мнению исследователя С.И. Походни ирония формируется на противоречии формы и содержания, в связи, с чем ее можно ставить в одном ряду с сатирой и юмором, однако в сравнении с сатирой она менее агрессивна, но более интеллектуальна и аналитична. Наряду с этим ирония может не иметь никаких оттенков юмора, а наоборот, может выражать раздражение, возмущение, горечь, неприязнь и другие чувства, далекие от желания шутить. [18]

Мы согласны с мнением А.Н. Мороховского, что «Ирония – искусство парадокса, с помощью которого в одной и той же языковой форме сталкиваются антонимические смыслы и противоположные оценки». [14, 173]

В «Кратком словаре литературоведческих терминов» ирония означает притворство и насмешку. Здесь же приводится: «Ирония: 1. Отрицательная оценка предмета или явления через его осмеяние. Комический эффект в ироническом высказывании достигается маскировкой истинного смысла самобытия. При иронии мы высказываем прямо противоположное тому, что подразумевается; 2. В литературном произведении ирония может иметь более широкий смысл: она придает художественному изображению особую окраску, своеобразно раскрывая неудовлетворенность автора окружающим миром. В этом случае – ирония уже не просто является оборотом речи (троп), а становится художественным принципом, из которого исходит писатель при изображении жизни». [26]

В результате изучения был получен материал, анализ которого показал, что некоторые ученые рассматривают иронию как стилистический прием. [1; 6]

Здесь уместно обратить внимание на суждение И.Р. Гальперина о том, что «...эффект иронии создается поразительным несоответствием между сказанным и подразумеваемым. Это «поразительное несоответствие» достигается за счет намеренного взаимодействия двух значений, стоящих в оппозиции друг к другу. [5, 147]

Собственные наши наблюдения и специальные исследования в этом плане показали, что иронии посвящены немного отдельных работ, чаще всего это статьи [9;26;28]. Но радует то, что за последнее десятилетие появились диссертации [18,19,27], свидетельствующие о возрастающем весе иронии в период коренных социально-экономических перемен, которым свойственно состояние сомнения и нигилизма. Сущность этих исследований сводится к тому, что ирония является сильнейшим оружием особенно в момент крушения тоталитаризма, в этом случае она ярко проявляет свой критический характер. С другой стороны, как утверждают ученые, ирония способна показать специфику мировоззрения определенной эпохи, ее идеологическую и художественную характеристику, выразить мироощущение и творческую позицию, как автора, так и переводчика.

Наряду с этим необходимо отметить следующее: искусство передачи иронии на другом языке заключается в умении переводчика успешно перевести не только комический, но и трагический ее эффект.

В этом контексте представляется убедительным определение А. И. Домашнева и И. П. Шишкиной о том, что ирония является «одним из существенных и чрезвычайно объемных по смыслу компонентов экспрессивной интонации художественного произведения. В стилистике ирония понимается как троп, отличительным признаком которого является двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречия между ними, тем сильнее ирония». [6, 91]

Отдавая должное тому, что было сделано предшественниками, мы, тем не менее, считаем, что ирония – это стилистический прием, позволяющий автору выразить мысль кратко, сделать текст элегантным, эффектным и понятным: благодаря ей мысль приобретает особую значимость.

В этой связи благодатным материалом для исследования является художественный текст романа М. Сервантеса «Дон Кихот», известного высоким уровнем интеллектуализма, который даст возможность узнать, насколько адекватны способы воссоздания Сотимом Улугзода на таджикский язык (1974 г.) личностного смеха Сервантеса, который «...сам по себе не нацелен на дифференциацию, на выделение «я» из целого, а напротив, направлен на восстановление разрушенной целостности. Он - наглядное подтверждение мысли о том, что «смех действительно представляет собой высший и адекватный существу человека способ оценки зла, превышающий возможности любых иных прагматически более значимых эмоций, «готовых» стать действием. В противоположность им, направленным либо на разрушение внешней ситуации (гнев, ярость), либо на саморазрушение субъекта (горе, страдание), смех ничего не разрушает, но зато сам стойко противостоит любым мыслимым в принципе формам и видам разрушения». [11, 55]

Для исследования иронии в переводе С. Улугзода, мы опираемся на следующие критерии Т. А. Казаковой: 1. Полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями; 2. Расширение исходного иронического оборота применяется в тех случаях, когда смысл иронического словоупотребления неочевиден для иноязычной культурной среды; 3. Антонимический перевод; 4. Добавление смысловых компонентов; 5. Культурно-ситуативная замена. [10, 280-281]

Ирония в романе «Дон Кихот» позволила Сервантесу более четко и выразительно описать характер своего героя, его отношение к происходящему. Чтобы понять насколько

удачно смог переводчик сохранить манеру и стиль оригинала, и вызывает ли у таджикского читателя перевод ту же реакцию, что и у носителя языка, мы рассмотрели ее в художественном контексте слова, в микро-контексте, в контексте фрагмента текста романа «Дон Кихот».

Приведем фрагменты анализа. При передаче иронии с русского языка на таджикский Улугзода использует прием полного, почти дословного перевода с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями. Это связано с тем, что речь главного героя содержит множество сложных синтаксических конструкций, а с точки зрения стилистики в большинстве случаев ирония представляет собой сравнение:

Перевод Н. Любимова:

«Тереса:

- Но только ты смотри у меня, Санчо: коли ты ненароком выскочишь в губернаторы, то не забудь про меня и детей. <...> Еще помни, что дочка твоя, Марисанча, совсем даже не прочь выйти замуж, - мне сдается, что она думает о муже не меньше, чем ты о губернаторстве, да ведь и то сказать...

Санчо Панса:

- Клянусь честью, - молвил Санчо, - коли господь пошлет мне что-нибудь вроде губернаторства, то я, милая женушка, выдам Марисанчу за такое лицо, что ее станут величать не иначе как ваше сиятельство». [23, 47]

Перевод С. Улугзода:

«Тереса:

- Аммо бепарво набош, Санчо: агар мабодо ҳоким шуда монӣ, маро ва бачаҳоятро фаромӯш накун. <...> Боз инро ҳам аз ёдат набарор, ки духтарат Марисанча ҳеҷ ба шӯ кардан зид не, ту дар бораи ҳокими ҷазира шудан чӣ қадаре, ки фикр кунӣ, ба хаёлам вай дар бораи шӯ аз ин ҳам зиёдтар фикр мекунад.

Санчо Панса:

- Ба номусам қасам, занчаи азизам, - гуфт Санчо, - агар худо ба ман ягон хел ҳокимиро насиб гардонад, ман Мариснчаро ба чунин як одами калон диҳам, ки ҳама вайро иззат карда *ойимпошию, графхоним* (выделено курсивом самим Сотимом Улугзода – М.Дж.) гӯянд. [24, 227-230]

В данном диалоге ироничность диалога основана на высказываниях: «*мабодо ҳоким шуда монӣ*», «*Ба номусам қасам*», «*ойимпошию, графхоним*», «*агар худо ба ман ягон хел ҳокимиро насиб гардонад, ман Мариснчаро ба чунин як одами калон диҳам*».

Наряду с полным переводом, с незначительными лексическими и грамматическими трансформациями при передаче иронии, С. Улугзода использовал такой прием, как расширение исходного иронического оборота.

Иронический эффект усиливается далее с помощью перечисления того, что делают обычно люди, когда вдруг неожиданно попадают в более лучшую среду, меняют образ жизни:

Перевод Н. Любимова:

«Тереса:

- <...> вместо деревянных башмаков она вырядится в туфельки. Вместо дешевенького платьишка – в шелковое, да с фижмами, и, вместо Марика, ты, все станут называть ее донья такая-то и ваше сиятельство, так девчонка растеряется, на каждом шагу станет попадать впросак, и тут-то по пряже сейчас видно будет толстое и грубое рядно». [23, 47]

Перевод С. Улугзода:

«Тереса:

- <...> раваду духтарамон ба чои кафши чӯбин туфлича, ба чои куртаи оддӣ пирохани шоҳии оҳарнок пӯшида худашро зеб диҳаду вайро ба чои «*Марика*», «*ту*» гуфтаи, ҳама *донья фалонӣ ё графхоним* (выделено курсивом самим Сотимом Улугзода – М.Дж.) гуфта хитоб кунанд, духтаракам худашро гум карда, дар ҳар қадам хато карда изо мекашад, дар он вақт нахи гафсу дурушти калобааш намудор шуда мемонад». [24, 227]

Исходя из того, что «простейшим способом выражения иронии <...> являются кавычки, когда вполне стандартное и ожидаемое слово или фраза берутся в кавычки в стандартном контексте» [10, 273] Улугзода выделяет отдельные слова в кавычки, тем самым подчеркивая остроту иронии: речь идет о словах – *Марика*, *ты*, которые в русском тексте написаны без кавычек, а в таджикском тексте умышленно заключены переводчиком в кавычки «*Марика*, *ту*» и выделены курсивом.

В другом диалоге для успешной передачи иронии переводчик употребляет прием расширения иронического оборота. Рассмотрим несколько примеров использования данного переводческого приема:

Перевод Н. Любимова:

«Санчо Панса»:

- Молчи, дура, - сказал Санчо, - годика два-три ей надобно будет попривыкнуть, а там барские замашки и важность придутся ей как раз впору, а не придутся – что за беда? Только бы ей стать вашим сиятельством, а все остальное вздор». [22, 47]

Перевод С. Улугзода:

«Санчо Панса:

- Дам шав, беақл! – гуфт Санчо. – Ду-се сол ҳамту одат карданаш лозим, баъд сипоҳигарӣ, виқору таккабури олимақомӣ ба вай мезебидагӣ мешавад, аммо раваду назебад ҳам ҳеҷ қисса не! *Ойимпошио ё графхоним* шавад шудагеш, дигар ҳамааш бекор». [24, 227-230]

В данном диалоге прием расширения иронического оборота переводчик употребляет в словосочетании «сипоҳигарӣ, виқору таккабури олимақомӣ» для перевода словосочетания «барские замашки».

Помимо расширения исходного иронического оборота, при переводе иронии с русского языка на таджикский Сотим Улугзода использует дословный перевод. Причем применение дословного перевода нередко сочетается с использованием других трансформаций. Рассмотрим несколько способов использования данного переводческого приема:

Перевод Н. Любимова:

«Тереса:

- Сообразуйся, Санчо, со своим собственным званием, - сказала Тереса, - не лезь в знать и затверди пословицу: «Вытри нос соседскому сыну и бери его себе в зятя». [25, 47]

Перевод С. Улугзода:

«Тереса:

- Ту ба аслу насаби худат нигоҳ карда қадам мон, Санчо, - гуфт Тереса, - худатро аъёну раваду ашроф натарошу мақоли «Бинии ҳамсоҷаписарро пок куну домодаш бигир»-ро ба хотират нигоҳ дор». [23, 227-230]

В этом диалоге ирония заключена в предложении: «Бинии ҳамсоҷаписарро пок куну домодаш бигир»-ро ба хотират нигоҳ дор». Переводчиком избран дословный перевод для передачи иронии, и прием расширения иронического оборота в словосочетании «аъёну раваду ашроф» при переводе слова «знать».

С. Улугзода также использует прием опущения смысловых компонентов при передаче иронии с русского на таджикский. Обычно этот прием используют при переводе слов или предложений, являющихся семантически избыточными с точки зрения смыслового содержания. В данном отрезке, где мы приведем в пример остроумную и забавную беседу, какую вели между собой Санчо Панса и его супруга Тереса Панса отсутствует предложение: «Подобные обороты речи, а также иные из тех выражений, которые Санчо употребит ниже, и вынудили переводчика этой истории объявить, что он признает эту главу за вымышленную». [23, 48] В оригинальном тексте в переводе Н. Любимова после этого предложения следуют слова Панса: «- Говори, тварь неразумная, -

продолжал Санчо, - чем же это плохо, еже ли я приберу к рукам какое-нибудь выгодное губернаторство и через то мы все выйдем в люди? Дай Марисанче подцепить, кого я пожелаю, и ты увидишь, что все тебя станут звать доньей Тересой Панса и в церкви ты, назло и на зависть нашим дворянкам, будешь восседать на коврах, да на подушках, да на шелку».[23, 48]

В таджикском тексте данный диалог (без отмеченного выше предложения) переведён таким образом: «Канӣ гӯй, махлуқи нодон, охир чӣ бадӣ дорад, ки ман ҳокимии ягон ҷазираро ба даст овараму ба шарофати вай ҳамаи мо ба қатори одам дароём? Мон, ки Марисанча ягон каси дилхоҳи маро ба дом андозад, дар он вақт мебинӣ, ки ҳама туро *донья Тереза Панса* (курсивом выделено Сотимом Улугзода – М. Дж.) меғуфтагӣ мешавад, ту дар калисо ҳам ҳавасу ҳасади хонимҳои олинасаби моро оварда, ба рӯи гилем мешинӣ, дар биқинат болиштҳои мулоим, дар танат шоҳию атлас».[24, 228]

В данном случае переводчик выделяет курсивом ключевой элемент диалога – «*донья Тереза Панса*», добавляя своему переводу ироничности словосочетаниями «ба қатори одам дароём», «ба дом андозад».

В следующем отрезке выбранный Сотимом Улугзода вариант перевода ярко выражает неприятие героем романа недостатков социальной жизни.

Перевод С. Улугзода:

Санчо Панса: «Роҳ дихед, ҳазратҳо ва иҷозат дихед, ман ба озодии пештарам баргардам; маро модарам барои ҳокимию аз ӯрдуҳои душман мудофия кардани ҷазирахову шаҳрҳо назоидааст. Ман аз қонун нашр кардан ва музофоту кишвархоро мудофия кардан дида заминро беҳтар шудгор мекунам, токро беҳтар мебурам ва мешинонам. Ҳар кас бояд ҳамон касбу қореро пеш гирад ки барои он қор ба дунё омадааст, ба дасти ман аз чӯбдасти ҳокимӣ дида дос зиёдтар мезебад». [24, 423]

Перевод Н. Любимова:

Санча Панса: «Дайте дорогу, государи мои! Дозвольте мне вернуться и прежней моей свободе, дозвольте мне вернуться к прежней моей жизни, дабы я мог восстать из нынешнего моего гроба. Я не рожден быть губернатором и защищать острова и города от вторжения вражеских полчищ. Я куда лучше умею пахать и копать землю, подрезывать и отсаживать виноград, нежели издавать законы и оборонять провинции и королевства. Апостолу Петру хорошо в Риме, - я хочу сказать, что каждый должен заниматься тем делом, для которого он рожден. Мне больше пристало держать в руке серп, чем жезл губернатора». [23, 456]

В данном диалоге ироничность основана на реплике: «дозвольте мне вернуться к прежней моей жизни, дабы я мог восстать из нынешнего моего гроба». Этим Санчо хотел выразить протест против того положения, которое он имел на тот момент, губернаторство для него было равносильно «гробу». Переводчик использует лексическую трансформацию: «маро модарам барои ҳокимию аз ўрдуҳои душман мудофия кардани чазирахову шаҳрҳо назоидааст», т.е.: «Дозвольте мне вернуться и прежней моей свободе, я рожден не для того, чтобы быть губернатором и защищать острова и города от вторжения вражеских полчищ».

Улугзода при переводе стремится четче выразить критически-насмешливое отношение автора романа к описываемым реалиям, включая широкий диапазон эмоциональных оттенков, таких как: «луччак ба дунё омадаам ва луччак умр ба сар мебарам» - «голышом весь свой век прожить ухитрился: я хочу сказать, ... и без гроша с нее ухожу», «Мне больше пристало держать в руке серп, чем жезл губернатора» - «ба дасти ман аз чўбдасти ҳокимӣ дида дос зиёдтар мезебад» - «», «Роҳ дихед, хазратҳо ва ичозат дихед» - «Дозвольте мне вернуться», «Паноҳатон ба худо, чанобони сохибмарҳамат» - «Оставайтесь с богом, ваши милости».

Исследование показало, что Сотим Улугзода для перевода иронии в романе «Дон Кихот» использовал следующие приемы перевода: полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями; расширение исходного иронического оборота; добавление смысловых компонентов; смешанные случаи.

Для анализа иронических единиц в романе «Дон Кихот», как мы уже отметили выше, нами выбрана классификация приемов перевода иронии, составленной Т. А. Казаковой, по поводу которой хотелось бы отметить, что она удобна для работы с художественным текстом, но требует незначительного расширения, так как, например, приемы расширение исходного иронического оборота и добавление смысловых компонентов, из-за большой схожести между ними, создают некоторую трудность при их идентификации.

Таким образом, в результате изучения двух текстов – перевода на таджикский язык Сотима Улугзода и русского текста Н. Любимова, мы можем утверждать, что для анализа особенностей передачи иронии с русского языка на таджикский, роман «Дон Кихот» Сервантеса нами был выбран неслучайно, ибо:

- ирония, воспроизведенная Сотимом Улугзода в этом романе, совершенно разная, яркая и образная, которую порой необходимо декодировать, более того, в тексте много авторских окказионализмов, которые часто бывает сложно передать на таджикский язык.

- некоторые предложения перегружены избыточной информацией и в этих случаях Улугзода использует прием опущения.

- есть случаи, когда им использован прием добавления смысловых компонентов, прием смыслового развития, а также функциональные замены.

- там, где предложения перегружены знаками препинания, Улугзода использовал грамматические трансформации.

- ирония Сервантеса сложная и не всегда легко поддается как декодированию, так и для передачи на таджикский язык.

Хотелось бы отдельно отметить удачное переводческое решение Сотимом Улугзода в романе по поводу имени жены Санчо Панса - не понятно, то ли это является нестыковкой в романе «Дон Кихот» или трудностью перевода, но в первой книге на русском языке в переводе Н. Любимова жена Санчо Пансы появляется как **Хуана Панса**, а уже во второй книге ее зовут **Тереса Панса**. Но, и в первой, и во второй книге на таджикском языке жена Санчо Панса обозначена одним именем - Тереса Панса:

Перевод Н. Любимова:

Часть 1

«- Что ты несешь, Санчо? Какие такие сиятельства, острова и вассалы? – воскликнула Хуана Панса (так звали жену Санчо, ибо хоть она и не была с ним в родстве, но в Ламанче принято, чтобы жены брали фамилию мужа). [22, с.548]

Часть 2.

«- Послушай, Санчо», - сказала Тереса, - с тех пор как ты стал правой рукой странствующего рыцаря, ты такие петли мечешь, что тебя никто не может понять.

- Довольно и того, что жена, меня понимает господь бог, а он все на свете понимает, - возразил Санчо». [23, 46]

Перевод С. Улугзода:

Часть 1.

«- Чӣ сафсатаҳо гуфта истодаӣ ту, Санчо? Чӣ хел графхоним, чазирааш чист, кадо фукаро?» [24, 206]

Часть 2.

«- Ба ман нигар, Санчо, - гуфт Тереса, аз бозе, ки ту дасти рост баходури чахонгард шудаӣ, чунон гапҳои печдарпеч мезанӣ, ки ҳеҷ кас намефаҳмад.

- Ҳаминаш бас, ки маро худо мефаҳмад, занак, худо дар олам ҳамаро мефаҳмад, - эрод расонд Санчо». [24, 226]

Налицо самостоятельное переводческое решение Сотима Улугзода, где перевод ориентирован не только на авторский текст, но и на логику, что дает возможность решать проблему адекватности перевода.

Перевод Сотима Улугзода интересен, богат вариациями выражений, синонимии, детального изложения (например, недельного меню, структурно повторяющем и развивающем предыдущий ряд однородных членов), игры слов в романе. Он успешно смог создать, где надо, комической фон, а где надо — трагико-комический, превратив иронию Сервантеса, порой в ненавязчивый комментарий, поясняющий читателю произошедшие в романе события, и если рассуждать словами Михайло Васильевича Ломоносова о том, что «ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем», то в иронии в переводе Сотима Улугзода есть своя логика, заключающаяся в ходе мышления, перевертывании смыслов и т.д.

Данная тема - исследование особенностей перевода иронии с русского языка на таджикский и обратно – с таджикского на русский язык в таджикской литературе имеет свои перспективы.

Библиография:

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. - М.: Высш. школа, 1973. – 303 с.;
2. Афанасьев, Э.С. Пушкин-Чехов: ироническая проза // Русская литература. 2001. № 4. – С. 195-210.
3. Белодед, Ю.И. Средства выражения 1фонии в современном политическом романе/ на укр. яз./ Мовознавство, 1981, № 4, – с.71-73.
4. Болдина, Л.И. Ирония как вид комического: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. – 171 с.
5. Гальперин Ю. И. Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. шк., 1977, – С. 146-148.
6. Домашнев, А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: нем. яз.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 1989. — 208 с.
7. Иванова, И. Н. Ирония в художественном мире Георгия Иванова: дис. ... канд. филол. наук, Ставрополь, 1998, – 181 с.

8. Иванова, Ирина Николаевна. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма: 1890-1910 годы: дис. ... докт. филол. наук, Ставрополь, 2006. – с. 528.
9. Казанская, Г.П. Некоторые стилистические приемы создания эффекта иронии в портретных характеристиках романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» // Вопросы стилистики английского языка. М.: Высшая школа, 1980. Вып. 155. – С. 22-28.
10. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. – Серия: Изучаем иностранные языки.- СПб.: «Издательство Союз», – 2001, – 320 с.
11. Карасев, Л. В. Парадокс о смехе. – «Вопросы философии», 1989, № 5, – с. 55
12. Клименко, Татьяна Николаевна. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов: на материале романов-антиутопий: дис. кандидат филологических наук: Санкт-Петербург, 2007. – 236 с.
13. Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Статьи. 1929-1955. М., 1961.- 696 с.
14. Мороховский, А.Н. Стилистика английского языка: учеб. Пособие для вузов / А.Н. Мороховский [и др.].– Киев: Издательское объединение «Вища школа», 1984.– 241 с.
15. Орлова, Г.В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (жанр обозрения): автореф. дис. канд. филол. наук:СПб., 2005.
16. Петрова, О.Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилиях Ч. Диккенса и У.М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009. Вып. 34 (172). С. 73-77.
17. Пospelов, Г.Н. Смех Гоголя: в связи с теорией комического // Николай Васильевич Гоголь / под ред. А.Н. Соколова. М.: МГУ, 1954. – С. 103-138.
18. Походня, С.И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX - XX веков): автореф. дис. . канд. филол. наук. Киев, 1984.
19. Празян, Н.О. Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук: М., 2011. – 199 с.
20. Пропп, В.Я. Природа комического у Гоголя // Русская литература. 1988.- № 1 – С. 27-43.
21. Пискунова, С.И. Истоки и смысл смеха Сервантеса // Вопросы литературы. — 1995. — № 2. — С. 143-169.
22. Сервантес Сааведра, Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / Пер. с исп. Н. Любимова. Ч. 1 // Мигель де Сервантес Сааведра. - М.: Художественная литература, 1963. - 583 с.

23. Сервантес Сааведра, Мигель де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский / Пер. с исп. Н. Любимова. Ч. 2 // Мигель де Сервантес Сааведра. - М.: Художественная литература, 1963. - 658 с.

24. Сервантес Мигель де Сааведра. Достони айёри ламанчї Дон Кихот (тарљумаи С. Улуѓзода): Нашриёти «Ирфон». – Душанбе, - 1974. – 466 с.

25. Тимофеев, Л.И. и Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. Пособие для учащихся сред. школы. ред. – сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., «Просвещение», 1978. – 223 с.

26. Шмелев, Д.Н., 1958 Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. // ВЯ. М.: Наука, 1958, № 6,- с.37-68.

27.Шумкова, Т. Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX века в свете традиций немецкого романтизма: дисс. ... докт. филол. наук. Нижневартовск, 2007,- 454 с.

Bibliography:

1. Arnold, I.V. Lexicology of modern English / I.V. Arnold. - М.: Higher. school, 1973. - 303 p. ;

2. Afanasyev, E.S. Pushkin-Chekhov: ironic prose // Russian literature. 2001. No. 4. - S. 195-210.

3. Beloded, Yu.I. Means of expression of 1 phonium in a modern political novel / in Ukrainian. language / Movnovoznost, 1981, No. 4, - p. 71-73.

4. Boldin, L.I. Irony as a form of comic: dis. ... cand. filol. sciences. M., 1981. - 171 p.

5. Halperin Yu. I. R. Stylistics of the English language. M.: Higher. Shk., 1977, - S. 146-148.

6.Domashnev, A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. Interpretation of a literary text: German. language: Textbook. manual for students of ped. in-com for special. No. 2103 "Foreign. language. ”/ A. I. Domashnev, I. P. Shishkina, E. A. Goncharova. - 2nd ed., Dorab. - М.: Education, 1989 .-- 208 p.

7. Ivanova, I. N. Irony in the artistic world of George Ivanov: dis. ... cand. filol. Sciences, Stavropol, 1998, - 181 p.

8. Ivanova, Irina Nikolaevna. Typology and the evolution of irony in the poetry of Russian modernism: 1890-1910: dis. ... doctor. filol. Sciences, Stavropol, 2006. - p. 528.

9. Kazan, G.P. Some stylistic techniques for creating the effect of irony in the portrait characteristics of the novel by S. Richardson "Clarissa Garlow" // Issues in the style of the English language. M.: Higher school, 1980. Issue. 155.- S. 22-28.
10. Kazakova, T. A. Practical Foundations of Translation. - Series: We study foreign languages. - St. Petersburg: "Soyuz Publishing House", - 2001, - 320 p.
11. Karasev, L.V. The paradox of laughter. - "Questions of Philosophy", 1989, No. 5, - p. 55
12. Klimenko, Tatyana Nikolaevna. Types and text-forming functions of ironic contexts: on the material of dystopian novels: dis. Candidate of Philological Sciences: St. Petersburg, 2007. - 236 p.
13. Mann T. Collected Works: in 10 vols. T. 10. Articles. 1929-1955. M., 1961.- 696 p.
14. Morokhovsky, A.N. Stylistics of the English language: textbook. The allowance for universities / A.N. Morokhovsky [et al.] .– Kiev: Vishka Shkola Publishing Association, 1984.– 241 p.
15. Orlova, G.V. Means of forming an ironic modality in modern journalistic discourse (genre of observation): author. dis. Cand. filol. Sciences: St. Petersburg, 2005.
16. Petrova, O.G. Irony as a way of creating images of characters in the idioms of C. Dickens and W. M. Thackeray // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2009. Issue. 34 (172). S. 73-77.
17. Pospelov, G.N. Gogol's laugh: in connection with the theory of the comic // Nikolai Vasilievich Gogol / ed. A.N. Sokolova. M.: Moscow State University, 1954. - S. 103-138.
18. Trekking, S.I. Linguistic means of expressing irony in English-language fiction (based on English and American fiction literature of the late XIX - XX centuries): author. dis. . Cand. filol. sciences. Kiev, 1984.
19. Prazian, N.O. Linguocognitive and pragmatic foundations of the use of metaphor and irony in the English political discourse: author. dis. Cand. filol. Sciences: M., 2011 .-- 199 p.
20. Propp, V.Ya. The nature of the comic at Gogol // Russian literature. 1988.- No. 1 - S. 27-43.
21. Piskunova, S.I. The origins and meaning of Cervantes laughter // Questions of literature. - 1995. - No. 2. - S. 143-169.
22. Cervantes Saavedra, Miguel de. The cunning hidalgo Don Quixote Lamanch / Per. with Spanish N. Lyubimova. Part 1 // Miguel de Cervantes Saavedra. - M.: Fiction, 1963. - 583 p.

23. Cervantes Saavedra, Miguel de. The cunning hidalgo Don Quixote Lamanch / Per. with Spanish N. Lyubimova. Part 2 // Miguel de Cervantes Saavedra. - M.: Fiction, 1963. - 658 p.

24. Cervantes Miguel de Saavedra. Dostoni ayori lamancha Don Quixote (tarjuma S. Uluzoda): Nashrieti "Irfon". - Dushanbe, - 1974. - 466 p.

25. Timofeev, L.I. and Turaev S.V. A short dictionary of literary terms. Student Medium Allowance. school. ed. - Comp. : L.I. Timofeev, S.V. Turaev. M., "Enlightenment", 1978. - 223 p.

26. Shmelev, D.N., 1958 Shmelev D.N. Expressive-ironic expression of denial and negative assessment in modern Russian. // VY. M. : Nauka, 1958, No. 6, p. 37-68.

27. Shumkova, T. L. Irony in Russian literature of the first half of the XIX century in the light of the traditions of German romanticism: Diss. ... doctor. filol. sciences. Nizhnevartovsk, 2007, - 454 s.

**Мурувватиён Джамила Джамол, кандидат филологических наук.
Специальность: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология**

Контактный номер: + 992 93 760 22 33

E-mail: Alika-xan@mail.ru

**Место работы: Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук
Республики Таджикистан.**

Должность: научный сотрудник отдела современной литературы.

Тел.: (93) 760 22 33

Contact number: + 992 93 760 22 33

E-mail: Alika-xan@mail.ru

**Place of work: Institute of Language and Literature Rudaki Academy of Sciences of
the Republic of Tajikistan**

Position: Researcher

Аннотация: Одна из стилистических особенностей романа «Дон Кихот» является замаскированная форма иронии, вошедшая в научный оборот, ещё со времен классической греческой и римской литератур. Это самый яркий и утонченный прием, который составлял часть стилистических фигур классической риторики. Автор в статье рассматривает приемы и способы перевода иронии в романе «Дон Кихот» Сервантеса в переводе на таджикский язык Сотимом Улугзода. При анализе перевода иронических единиц романа «Дон Кихот» автор статьи опирается на классификацию приемов перевода иронии Т. А. Казаковой, которая, как отмечает она, требует расширения.

Ключевые слова: ирония, «Дон Кихот», Сотим Улугзода, Сервантес, стилистический прием, таджикская литература, переводческое решение.

Эзоҳ: Яке, аз хусусиятҳои услубии романи «Дон Кихот» шакли мармузи киноя (истехзо, тамасхур, ҳазл, ришханд, рамз) аст, ки ҳанӯз аз замони адабиёти классикии юнониву римӣ ба муомилаву истифодаи илмӣ ворид шудааст. Ин воситаи хеле равшану нозуки тавири бадеист, ки қисми аз василаҳои услубин суҳанпардозии классикиро ташкил меод. Муаллифи мақола усулу роҳҳои тарҷумаи кинояро дар романи «Дон Кихот»-и Сервантес дар тарҷумаи тоҷикии Сотим Улуғзода баррасӣ менамояд. Ҳангоми таҳлили тарҷумаи воҳидҳои кинояи романи «Дон Кихот» муаллифи мақола ба таснифи усулҳои тарҷумаи киноя аз ҷониби Т.А. Казакова таъкиқ карда, ҳамзамон қайд мекунад, ки доираи ин тасниф бояд васеъ гардонда шавад.

Чунон ки муқоисаи романи «Дон Кихот» дар тарҷума ба забонҳои тоҷикӣ ва русӣ нишон медиҳад, ки тарҷумаи Сотим Улуғзода таваҷҷуҳангез, мутобиқ ба асл аст, ҳарчанд пур аз имконоти қаринаҳои баён ва муродифот, инчунин нигориши ҷузъӣ (масалан, менюи ҳафта, ки сохторан силсилаи аъзои ҷидаро такрор мекунад) тақдир медиҳад, суҳанбозӣ ва амсоли инҳост.

Вожаҳои калидӣ: киноя, «Дон Кихот», Сотим Улуғзода, Сервантес, усули услубӣ, адабиёти тоҷик, таъбири тарҷума.

Annotation: From the stylistic novel of the novel «Don Quixote» delivers a modernized irony (ironic, humorous, humorous, plagiarism; symbol, cinema), more than just a classical Greek. Eccentric and triumphant at times, the classical rhetoric of stylized figures. Author of the article «The Quixote in the novel «Don Quixote» by Sotim Ulugzoda. On the analysis of the Ironian literary novel «Don Quixote» by Muruvvaton J.J. The classification of arrivals of the Ironian irony T. A. Kazakova, translate, quit on it.

As a novel, «Don Quixote» in Tajik and Russian languages, in the case of Ulugzoda, intermittent, adequately distorted, unobtrusive, unobtrusive, unobtrusive, luminous, unbalanced games, slov and t. p.

A comparison of the Don Quixote novel in Tajik and Russian has shown that the translation by Sotim Ulugzoda is an interesting, adequate translation, despite the abundance of both the variety of expressions, or synonymy, and the detailed presentation (for example, a weekly menu that structurally repeats and develops the previous series of homogeneous members), puns, etc. The purpose of this article is to investigate the features of the translation of irony in the translation of Sotim Ulugzoda in the novel by M. Cervantes «Don Quixote». The following research tasks follow from the goal: to consider the concept of irony in literary criticism; to analyze the features of the translation of irony from Russian into Tajik; to explore ways to translate irony in the novel «Don Quixote» by M. Cervantes into Tajik. The research material is the text of the novel «Don Quixote» by the Spanish writer M. Cervantes translated into Russian by N. Lyubimov (1963) and Sotim Ulugzoda in Tajik (1971). The subject of the research is the methods of transferring irony in literary translation from Russian into Tajik, the theoretical value of which is determined by the fact that its results and conclusions complement the existing works on the theory and practice of translation. This article analyzes the peculiarity of the translation of irony from Russian into Tajik. Particular attention is drawn to the attitude of Sotim Ulugzoda to the methods of translation. Thus, as a result of a study of two translations - N. Lyubimov into Russian and S. Ulugzoda, we can argue that Sotim Ulugzoda uses irony in this novel to use decoding, omission,

adding semantic components, semantic development, as well as functional replacements in addition, where sentences are overloaded with punctuation marks, Ulugzoda used grammatical transformations.

Keywords: irony, Don Quixote, Sotim Ulugzoda, Servantes M., stylistic time, Tajik literary, transitional root.